

A woman with dark hair tied in a bun, wearing a white long-sleeved shirt and a dark, pleated skirt, stands with her back to the camera. She is looking out over a city skyline, likely New York City, with a bridge visible in the background. The scene is set during sunset or sunrise, with a warm, golden light.

Данияр Аклбеков

Выше неба, ниже сердца

«Автор»

2026

Аклбеков Д.

Выше неба, ниже сердца / Д. Аклбеков — «Автор», 2026

Екатерина Волкова привыкла смотреть на мир с высоты — из окон небоскрёбов, кабинетов и залов совета директоров. Она построила крупную компанию, научилась принимать жёсткие решения и давно перестала замечать людей за цифрами в отчётах. Александр работает на одном из её складов. Когда он сообщает о махинациях руководства, Екатерина решает провести проверку лично — без охраны, должности и знаменитой фамилии. Для него она становится просто Катей: женщиной, которая мёрзнет в белой рубашке, пьёт невкусный кофе и верит в его забытые чертежи. Между ними рождается чувство, способное изменить обоих. Но Екатерина скрывает правду, которая может разрушить их отношения: её компания связана с трагедией семьи Александра. «Выше неба, ниже сердца» — роман о любви между людьми из разных миров, о цене молчания, ответственности за прошлое и мужестве позволить другому увидеть себя целиком. Потому что настоящий дом начинается не со стен, а с доверия.

© Аклбеков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	5
Глава 1. Высота	6
Глава 2. Утро	10
Глава 3. Письмо	13
Глава 4. Склад	17
Глава 5. Обед	20
Глава 6. Кофе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Выше неба, ниже сердца

Содержание

ЧАСТЬ I. УРОВЕНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОСТА

- Глава 1. Высота
- Глава 2. Утро
- Глава 3. Письмо
- Глава 4. Склад
- Глава 5. Обед
- Глава 6. Кофе
- Глава 7. Смех
- Глава 8. Дом
- Глава 9. Самолёт
- Глава 10. Возвращение
- Глава 11. Дождь
- Глава 12. Брелок

ЧАСТЬ II. ЦЕНА ВЫСОТЫ

- Глава 13. Архив
- Глава 14. Цена роста
- Глава 15. Чужой этаж
- Глава 16. Неподписанное
- Глава 17. Совет
- Глава 18. Ниже сердца
- Глава 19. Проект
- Глава 20. Двойная бухгалтерия
- Глава 21. Выбор
- Глава 22. Разрыв

ЧАСТЬ III. ФУНДАМЕНТ

- Глава 23. Фундамент
- Глава 24. Свидетель
- Глава 25. Андрей
- Глава 26. Падение
- Глава 27. Земля
- Глава 28. Мост
- Глава 29. Первый кирпич
- Глава 30. Небо

Глава 1. Высота

Номер пах лавандой.

Екатерина ненавидела лаванду, но отель, выбранный Алиной, считал этот запах универсальным доказательством уюта. Лавандой пахло в холле, в лифте, в шкафу с халатами и даже в бумажных пакетах, куда горничные складывали тапочки. Алина каждый раз повторяла одно и то же: здесь лучший спа, удобные кровати и хотя бы несколько часов ты похожа на человека, который отдыхает. Спорить с ней было бесполезно.

Екатерина открыла глаза и некоторое время смотрела в потолок, пытаясь вспомнить, в каком городе проснулась. За окном серело утро. Высотки проступали из тумана, как декорации, которые ещё не успели подсветить.

На тумбе стояло шампанское — серебряная фольга, красная лента, карточка с тиснёным логотипом.

«Для Екатерины Александровны с благодарностью от инвесторов».

Она перечитала записку и поставила бутылку обратно. В мини-баре нашлась вода. Екатерина села на пол, прислонилась спиной к кровати и сделала несколько глотков. Ковёр был неприлично мягким. Город за стеклом — холодным, чужим и по-своему красивым. Когда-то она любила смотреть на такие города сверху. Теперь видела районы продаж, логистические узлы и стоимость квадратного метра.

Телефон коротко завибрировал.

Алина: «Проснулась? Выпей воды».

Екатерина посмотрела на бутылку в руке и написала: «Пью».

Ответ пришёл сразу: «Ты врёшь».

Она усмехнулась. Алина обладала редкой способностью разоблачать её даже на расстоянии.

Горячая вода в душе обжигала кожу. Екатерина стояла под ней, пока пар не скрыл зеркало. Смотреть на себя не хотелось. В последние годы отражение неизменно показывало женщину, которая всё успевает, всё решает и почти ничего не чувствует. Сегодня эта женщина должна была дать интервью деловому журналу, провести два совещания, подписать договор с инвесторами и пообедать с Андреем Кравцовым, который уже третий месяц пытался обсудить с ней «стратегическое партнёрство» и, кажется, что-то ещё.

На телефоне было три пропущенных от секретаря и сообщение:

«Екатерина Александровна, журналист уже в холле. Интервью через час. Я предложила кофе. Он согласился, но пока не притронулся».

Екатерина выбрала серый костюм. Он сидел безупречно, как и все вещи, которые подбирала стилист. В зеркале появилась генеральный директор «Волков Групп»: собранная, спокойная, недоступная. Она поправила воротник и подумала, что всё это напоминает броню, только очень дорогую.

В машине водитель спросил:

— В офис, Екатерина Александровна?

— Да, Виктор. В офис.

Город двигался навстречу: люди торопились к метро, курьеры лавировали между машинами, дворники сгребали мокрые листья. Екатерина попыталась вспомнить, когда в последний раз была счастлива, а не просто довольна результатом. Вспомнила пустую комнату, ноутбук на коленях и первый крупный контракт. Тогда ей было двадцать семь, денег почти не оставалось, зато будущее казалось огромным и послушным.

Прошло двенадцать лет. Будущее стало компанией из нескольких тысяч сотрудников, а она сама — человеком, которого узнавали в аэропортах и боялись на совещаниях.

Лена встретила её у лифта. Молодая, старательная, она краснела всякий раз, когда думала, что допустила ошибку.

— Доброе утро. Журналист в переговорной. Кофе остывает, но он к нему не притрагивается.

— Значит, боится пролить.

— Простите?

— Ничего. Дай мне десять минут.

В кабинете ждали письма. Сотни писем, каждое со словом «срочно» в теме. Екатерина быстро просматривала заголовки, распределяя их по папкам, пока не увидела неприметное сообщение с незнакомого адреса.

«Пожалуйста, прочитайте».

Она почти удалила его. Палец уже коснулся кнопки, но что-то остановило. Возможно, отсутствие в теме слов «коммерческое предложение».

«Здравствуйте. Я работаю на складе № 4 третий год. Пишу анонимно, потому что боюсь увольнения. Начальник скрывает отчёты, люди подписывают документы, которых не составляли, товар исчезает. За последние месяцы уволили нескольких сотрудников, которые задавали вопросы. Говорят, вы начинали с нуля. Может быть, вы поймёте. Пожалуйста, приезжайте сами и никого не предупреждайте».

Екатерина перечитала письмо. Затем открыла отчёт по четвёртому складу. Прибыль росла. Потери были ниже нормы. Текучесть персонала — допустимая. На экране всё выглядело настолько благополучно, что именно это и настораживало.

Она закрыла письмо, потом снова открыла.

В переговорной ждал мужчина лет тридцати пяти. Дорогой костюм, аккуратные часы, чашка чёрного кофе перед ним. Когда Екатерина вошла, он поднялся и на секунду задержал взгляд дольше, чем требовала вежливость.

— Екатерина Александровна, спасибо, что нашли время.

— Вы тоже его нашли. И даже пожертвовали кофе.

Он смутился, посмотрел на чашку и улыбнулся уже не журналистской, а человеческой улыбкой.

— Боюсь обжечься и выставить себя идиотом в первые тридцать секунд.

— Хорошее начало интервью. Теперь хотя бы один из нас говорит правду.

Диктофон загорелся красной точкой.

— Первый вопрос. Как вы понимаете, что приняли правильное решение? Интуиция или цифры?

— И то и другое. Но цифры иногда лгут.

Телефон на столе завибрировал. Екатерина мельком увидела тему нового письма: «Пожалуйста, прочитайте».

Она открыла его, хотя журналист ждал.

«Я не прошу денег. Я прошу просто приехать. Сегодня после обеда буду у проходной в синей куртке. Если вы пришлёте проверку, всё успеют спрятать. Я понимаю, что вы можете не поверить, но другого способа у меня нет».

Екатерина несколько секунд смотрела на экран. Внутри появилось забытое ощущение — не тревога и не азарт, а необходимость сделать что-то самой, без совета директоров, юристов и охраны.

Она выключила диктофон.

— Простите. Интервью придётся перенести.

Журналист растерялся.

— Мы только начали.

— Именно поэтому перенести ещё можно без трагедии.

— Это решение на интуиции?

Екатерина встала и взяла сумку.

— Нет. Это решение из тех, которые принимаешь, когда вспоминаешь: не всё в мире помещается в таблицу.

Лена догнала её в коридоре.

— У вас совещание через час. И обед с Кравцовым.

— Отмени.

— Оба?

— Всё до вечера.

— Но Андрей Сергеевич уже подтвердил...

— Лена.

Секретарь замолчала. Екатерина услышала в собственном голосе привычный металл и увидела, как девушка чуть отступила.

— Я буду на связи, — добавила она мягче. — Если случится пожар — звони. Если не пожар — справляйтесь без меня.

В кабинете Екатерина сняла жакет, часы и туфли. В шкафу висела белая рубашка, оставленная после съёмки, лежали джинсы и старые кеды — одежда на случай, если ей когда-нибудь понадобится стать незаметной. Такой случай, как выяснилось, наступил.

Через служебный выход она спустилась в паркинг и выбрала старую тёмную машину, которую держала скорее из упрямства, чем из необходимости. Никому не сказала, куда едет.

Дорога до склада заняла сорок минут. За это время Екатерина семь раз решила развернуться и семь раз проехала нужный поворот. Промышленная зона встретила серыми коробками зданий, неподвижными фурами и ветром, который будто нарочно искал щели в одежде.

У ворот никто не проверил документы. Охранник сидел в будке, опустив голову к телефону. Это было первым нарушением. Вторым — пустая проходная в разгар смены.

Екатерина припарковалась и вышла. Белая рубашка не защищала от октябрьского ветра. У проходной никого не было. По асфальту катился смятый лист накладной.

Она уже решила, что стала участницей чьей-то нелепой игры, когда за спиной раздался голос:

— Вы ко мне?

Мужчина в синей рабочей куртке стоял в нескольких шагах. Ему было около тридцати. Усталое лицо, короткая щетина, руки в мелких порезах. Он смотрел не почтительно и не оценивающе — скорее недоверчиво, будто не ожидал, что на письмо действительно ответят.

— Вы писали?

Он кивнул, оглянулся на будку охраны и подошёл ближе.

— Я думал, приедет кто-нибудь из офиса. Аудитор или служба безопасности.

— Я из офиса.

— На аудитора вы не похожи.

— Это хорошо или плохо?

Он едва заметно улыбнулся.

— Пока не знаю. Здесь говорить нельзя. Идёмте, я покажу.

Екатерина посмотрела на тёмный вход склада. Ещё утром её день был расписан до минуты. Теперь она стояла без охраны на окраине города и собиралась идти за незнакомцем, который мог оказаться кем угодно.

Но она уже приехала.

— Ведите.

Внутри пахло картоном, металлом и пылью. Мужчина уверенно шёл между стеллажами, иногда оборачиваясь, чтобы убедиться, что она не отстала. У одного из рядов остановился, снял с коробки пломбу и открыл крышку.

Внутри было пусто.

Сверху лежала накладная на сто единиц товара.

— Таких десятки, — сказал он. — Иногда коробки пустые, иногда внутри брак. По бумагам всё принято и отправлено клиентам. Кто отказывается подписывать — через неделю нарушает дисциплину или пишет заявление «по собственному».

Екатерина провела пальцем по краю коробки. Внутри картон оставался чистым. Значит, её вскрывали недавно.

— Почему написали именно мне?

Мужчина помолчал.

— Говорят, вы когда-то сами считали каждую копейку. Я подумал, может, вы ещё помните, каково это — зависеть от чужого решения.

Он не знал, кто перед ним. Видел только женщину в белой рубашке и кедах, которая приехала проверить его слова.

— Покажите всё, — сказала Екатерина.

Он кивнул и пошёл дальше.

Екатерина двинулась следом — мимо стеллажей, пустых коробок и отчётов, в которых её компания выглядела безупречной. Впервые за много лет она видела собственный бизнес не с высоты последнего этажа, а изнутри, на уровне человеческого роста.

Глава 2. Утро

Будильник Александру был не нужен. В пять сорок восемь он открывал глаза за две минуты до сигнала, словно организм давно перестал доверять технике.

За окном стояла серая осенняя муть. В углу потолка тянулась тонкая трещина, которую он третий год собирался замазать. Квартира была маленькой: одна комната, кухня, превращавшаяся в коридор, стол, два стула, шкаф и кровать. Вещей ровно столько, сколько может увезти один человек за один вечер.

На столе лежали чертежи.

Саша взял верхний лист и провёл пальцем по линии крыши. Дом с широкими окнами, верандой и садом был нарисован много лет назад, когда отец ещё был жив, мать смеялась на кухне, а слово «долги» не звучало в каждом разговоре. Теперь бумага пожелтела на сгибах, но выбросить её он так и не смог.

Чайник закипел. Саша заварил пакетик дешёвого чая и встал у окна. Во дворе соседка выгуливала старого спаниеля, мужчина в спортивном костюме тяжело бежал вокруг детской площадки. Обычное утро, за которым последует обычный день: маршрутка, склад, восемь часов среди коробок, дорога домой, чертежи, сон.

Вчера он отправил второе письмо генеральному директору.

Саша старался об этом не думать. Письмо было поступком отчаявшегося человека, а отчаявшиеся редко получают ответы. Скорее всего, адрес принадлежал секретарю, который перенаправит жалобу начальнику склада. Тогда его быстро вычислят.

Он понимал риск, но после увольнения Виктора из ночной смены молчать стало невозможно. Виктор отказался подписать акт на товар, которого не видел, и через три дня оказался «систематически опаздывающим».

Саша оделся, сунул в карман ключи, телефон и проездной. В подъезде пахло сыростью и кошками. Лифт снова не работал.

На первом этаже соседка возилась с замком.

— Саша, опять на работу?

— Опять, Мария Петровна.

— Когда отдыхать будешь?

— Как-нибудь потом.

— «Потом» — опасное слово, — сказала она и, справившись с дверью, выпустила его на улицу.

В метро люди смотрели в телефоны. Девочка лет пяти, сидевшая напротив, поймала его взгляд и улыбнулась, а потом спрятала лицо в мамино плечо. Саша улыбнулся в ответ. Такие мелочи иногда доказывали, что день ещё не окончательно испорчен.

От конечной метро он ехал маршруткой. Город постепенно уступал место заборам, трубам и бетонным ангарам. У проходной рабочие курили и спорили о футболе.

— Саня, ты вчера до восьми был? — спросил Пашка из соседнего участка.

— Был.

— И сегодня в первую?

— В первую.

— Тебя так скоро разберут на запчасти.

— Главное, чтобы по накладной всё сошлось.

Пашка рассмеялся, не уловив горечи.

На складе гудели погрузчики. Саша надел каску и перчатки, проверил задание на смену. Несколько паллет пришли без нормальной маркировки. В системе числился новый товар, но

он уже знал: часть коробок окажется пустой. Начальник появлялся редко, зато каждую неделю требовал идеальные цифры.

До обеда Саша работал машинально. В столовой ел гречку с котлетой, слушая разговоры о матче. Телефон завибрировал.

«После обеда зайти. Есть разговор», — написал начальник.

Внутри всё сжалось. Возможно, письмо уже нашли.

Саша вышел покурить, хотя обещал себе бросить. Небо висело низко, дождь собирался, но не начинался. Он докурил до фильтра и решил: если уволят, значит, уволят. По крайней мере, он попробовал.

После обеда начальника неожиданно вызвали в центральный офис, и разговор не состоялся. Саша вернулся к коробкам. Около четырёх заметил у проходной женщину в белой рубашке.

Она выглядела чужой для этого места. Не потому, что была слишком нарядной — наоборот, одежда была простой. Но держалась так, будто привыкла входить в помещения, где ей сразу освобождают дорогу.

Саша подошёл к ней со спины.

— Вы ко мне?

Женщина обернулась. Близко она выглядела старше, чем он подумал сначала, — не из-за морщин, а из-за усталости в глазах. При этом взгляд был внимательным и холодным, как будто каждую деталь она уже превращала в вывод.

— Вы писали?

Он кивнул.

Она не представилась. Сказала только, что из центрального офиса. Саша не поверил в обычного аудитора, но решил не спорить. Если её действительно прислали разобраться, время было дороже подозрений.

Он показал первую пустую коробку, затем вторую. Рассказал о поддельных актах, списаниях задним числом, людях, которых заставляли подписывать чужие документы. Женщина не ахала, не произносила правильных фраз о корпоративной ответственности. Просто осматривала пломбы, фотографировала маркировку и спрашивала:

— Где ещё?

Саша показал третий ряд.

— Почему вы написали руководству? — спросила она.

— Потому что местным жаловаться бесполезно. Они все друг друга прикрывают.

— Я спрашиваю, почему не ушли.

Саша посмотрел на неё.

— Потому что здесь работают люди, которым некуда уйти. У Пашки двое детей. У Виктора ипотека. У кладовщицы мать после операции. Не все могут хлопнуть дверью и начать заново.

Она отвела взгляд, будто слова задела её лично.

В дальнем проходе было холоднее. Женщина поёжилась.

— Вам нужна куртка.

— Не нужна. Продолжайте.

— Вы дрожите.

— Я не заметила.

— А я заметил.

Саша снял синюю куртку и протянул ей. Она посмотрела сначала на него, потом на потёртую ткань.

— Вы замёрзнете.

— Я здесь каждый день. Привык.

Она хотела возразить, но всё-таки надела куртку. Рукава оказались длинными. Женщина подвернула их и неожиданно улыбнулась — не вежливо, а почти смущённо.

— Спасибо.

— Не за что.

Они прошли ещё несколько рядов. Саша показал копии накладных, которые спрятал в старом шкафу. Женщина задавала точные вопросы и быстро понимала схему. Чем дольше они разговаривали, тем меньше она напоминала обычного проверяющего.

— Вы давно работаете в офисе? — спросил он.

— Достаточно.

— А раньше?

— Раньше тоже работала.

— Очень содержательно.

Она посмотрела на него и впервые засмеялась. Смех был коротким, будто непривычным.

— Вы всегда допрашиваете проверяющих?

— Только тех, кто приезжает без куртки.

К концу смены они знали, где искать документы и кто может подтвердить нарушения. У проходной женщина сняла куртку и вернула ему.

— Я разберусь, — сказала она. — Не обещаю быстро, но разберусь.

— Вам можно верить?

Вопрос прозвучал резче, чем он хотел. Она не обиделась.

— Не знаю. Проверьте.

Это был единственный честный ответ, который Саша слышал от человека из офиса за последние годы.

Она села в старую тёмную машину и уехала. Саша долго смотрел вслед, пока фары не исчезли за воротами. Только в раздевалке понял, что так и не спросил её имени.

Куртка едва заметно пахла её духами — чем-то холодным и чистым, совсем не похожим на сладкие запахи из рекламы. Саша застегнул молнию и поймал себя на улыбке.

В тот вечер маршрутка ушла без него. Пришлось ждать следующую под начинающимся дождём. Но почему-то это уже не казалось самым плохим событием дня.

Глава 3. Письмо

В три часа ночи Екатерина сидела на кухне своей квартиры и читала кадровые отчёты.

Квартира была просторной, дорогой и почти нежилой. Дизайнер когда-то назвал интерьер «сдержанным северным минимализмом». Екатерина запомнила только сумму счёта. Белые стены не хранили воспоминаний, диван не проседал от привычки, на кухне стояла техника, которой никто не пользовался.

За последние три месяца со склада № 4 уволили двенадцать человек. В карточках значились стандартные причины: сокращение, дисциплинарные нарушения, собственное желание. Слишком много правильных формулировок подряд.

Екатерина открывала документы один за другим, сравнивала подписи, даты и маршруты товара. На экране всё сходилось. В памяти — нет. Она видела пустые коробки и человека, который дал ей куртку, не зная, кому именно помогает.

Телефон показывал четыре утра. Екатерина позвонила Алине.

— Если ты звонишь в такое время, — прохрипела подруга, — либо случилась катастрофа, либо ты впервые влюбилась после тридцати.

— Я была на складе.

— Это ближе к катастрофе. На каком?

Екатерина рассказала о письме, поддельных накладных и увольнении. Алина слушала молча, пока Екатерина не упомянула мужчину в синей куртке.

— Подожди. Он не знает, кто ты?

— Думает, что я из центрального офиса.

— Это почти правда.

— Почти.

— И почему у тебя голос человека, который говорит не о хищении товара?

Екатерина посмотрела на тёмное окно.

— Он смотрел на меня нормально.

— Что значит «нормально»?

— Не как на фамилию в договоре. Не как на возможность. Не как на угрозу. Просто смотрел и слушал.

— Катя, люди иногда просто смотрят и слушают. Это ещё не предложение руки и сердца.

— Я знаю.

— Не уверена.

Екатерина закрыла ноутбук.

— Я завтра снова поеду.

— Ради расследования?

— Конечно.

Алина вздохнула так, будто услышала очевидную ложь.

— Будь осторожна. Не потому, что он плохой. Потому что ты слишком давно никого к себе не подпускала. Когда дверь наконец открывается, можно не заметить, кто и зачем вошёл.

— Он ничего от меня не хочет.

— Он пока не знает, что у тебя есть.

После разговора Екатерина так и не легла. Утром надела те же джинсы, другую белую рубашку и тёплую куртку — свою. В офис отправила сообщение, что будет работать вне здания. Лена задала три вопроса, потом удалила их и написала: «Хорошо».

На складе Екатерину пропустили после короткого разговора с охраной. Теперь её фамилия была внесена в журнал под вымышленной должностью: специалист внутреннего контроля.

Мужчина стоял у стеллажа и разгружал коробки. Она узнала его сразу, хотя со спины синяя куртка делала его похожим на десятки других рабочих.

— Доброе утро.

Он обернулся. На лице сначала появилось удивление, затем улыбка.

— Вы вернулись.

— Я сказала, что разберусь.

— Обычно люди из офиса говорят это перед тем, как исчезнуть.

— Значит, я порчу статистику.

Он снял перчатки.

— Я Саша. Вчера не представился.

— Я знаю из анкеты.

— А вас как зовут?

Вопрос был ожидаемым. Екатерина заранее приготовила ответ, но всё равно почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Катя.

Это не было полной ложью. Так её называли родители, Алина и Андрей в редкие моменты, когда забывал о деловом тоне. Но здесь имя прозвучало иначе — без отчества, должности и фамилии.

— Катя, — повторил Саша. — Вам подходит.

— Почему?

— Не знаю. Просто не представляю вас, например, Светланой.

Екатерина рассмеялась.

— Сильный аналитический подход.

— Учусь у аудиторов.

Они ушли в дальнюю часть склада. Саша показал документы, которые не успел достать вчера. Екатерина фотографировала номера накладных, записывала даты, задавала вопросы о сменах и поставщиках. Она старалась держаться профессионально, но ловила себя на том, что рассматривает его руки — сильные, исцарапанные, с тёмными следами металла у ногтей.

— Откуда столько порезов?

— Коробки кусаются.

— Серьёзно.

— Работа. Иногда торопишься, иногда перчатки рвутся.

Он сказал это без жалобы, как говорят о погоде.

В одном из проходов снова потянуло холодом. Саша посмотрел на её куртку.

— Сегодня подготовились.

— Я обучаемая.

— Жаль. Я думал, снова смогу проявить рыцарство.

— Можете открыть ту тяжёлую дверь.

— Уже не то.

Они улыбнулись друг другу, и Екатерина почувствовала странную лёгкость. В офисе каждая шутка имела цену: люди смеялись слишком громко или заранее угадывали, где ей будет смешно. Здесь никто не старался понравиться.

В обед они сели в маленькой комнате, которая когда-то служила кабинетом. Теперь в ней хранились сломанные сканеры, старые папки и две разномастные кружки. Из окна было видно только серое небо и верхушки фур.

Саша принёс чай из автомата.

— Кофе там опасный. После него можно видеть будущее, но недолго.

— А чай?

— Просто не имеет вкуса.

Екатерина попробовала и признала его правоту.

— Ты всегда хотел работать на складе?

Он усмехнулся.

— Разумеется. В детстве рисовал паллеты и мечтал о каске.

— Тогда о чём мечтал?

Саша помолчал, глядя в пластиковый стаканчик.

— Хотел стать архитектором. Рисовал дома. Поступать собирался.

— Почему не поступил?

— Отец умер. Остались долги. Нужно было работать.

Он говорил спокойно, но Екатерина слышала, сколько в этом спокойствии усилия.

— Мне жаль.

— Не надо. Это давно было.

— «Давно» не всегда значит «не больно».

Саша поднял на неё глаза.

— А вы откуда знаете?

Екатерина отвела взгляд к окну.

— У всех есть что-то, что произошло давно.

Он не стал спрашивать дальше. За это она была ему благодарна.

Во второй половине дня они нашли несоответствие между входящими накладными и журналом погрузчика. Схема становилась яснее: часть товара выводили через подставного перевозчика, а потери распределяли между несколькими сменами.

— Этого хватит? — спросил Саша.

— Чтобы начать официальную проверку — да. Чтобы никто не ушёл от ответственности — пока нет.

— Вы говорите так, будто можете её начать.

Екатерина почувствовала опасность в его спокойном вопросе.

— Я могу передать материалы тем, кто начнёт.

— Понятно.

Он сказал это без подозрения, но внимательный взгляд задержался на ней.

У проходной Саша спросил:

— Вы завтра приедете?

Екатерина собиралась ответить, что у неё встречи, документы и совет директоров. Вместо этого сказала:

— Приеду.

— Я буду ждать.

Она села в машину. Через несколько минут позвонила Алина.

— Ну?

— Что «ну»?

— Ты была на складе?

— Была.

— И как зовут твоё исследование?

Екатерина крепче сжала руль.

— Саша.

На другом конце повисла тишина.

— А он знает, как зовут тебя?

— Я сказала, что Катя.

— Это хотя бы твоё имя.

— Но не вся правда.

— Правда редко бывает удобной целиком, — сказала Алина. — Только помни: чем дольше носишь половину правды, тем больше она похожа на ложь.

Вечером Екатерина долго смотрела на номер Саши, который он записал ей на случай новых сведений. Набрала: «Спасибо за помощь». Стерла. Написала: «Завтра буду около десяти». Стерла.

В конце концов отправила два слова:

«Спокойной ночи».

Ответ пришёл через минуту:

«Спокойной ночи, Катя. До завтра».

Она улыбнулась экрану — легко и невольно, как не улыбалась давно.

Глава 4. Склад

В следующие дни склад перестал быть для Екатерины точкой на карте.

Он обрёл звуки, запахи и лица. Пашка из соседнего участка постоянно забывал пропуск. Кладовщица Зоя Ивановна приносила в термосе чай такой крепости, что им, по словам Саши, можно было растворять ржавчину. Охранник по утрам смотрел сериалы и поднимал шлагбаум, не отрываясь от экрана. Между третьим и четвёртым рядами всегда тянуло холодом, а в дальней комнате лампа включалась только после второго удара по выключателю.

Саша ждал её у проходной.

Иногда они работали с документами, иногда просто разговаривали. Екатерина приезжала на два часа и оставалась до конца смены. Совещания переносились, подписи делегировались, Лена научилась не спрашивать, где руководитель. В центральном офисе решили, что Екатерина лично ведёт особо важную проверку, и это было правдой — хотя важность давно измерялась не только размером потерь.

В одно дождливое утро она бежала от машины, прикрывая голову сумкой. Саша встретил её у входа.

— Ты промокла.

Он впервые сказал «ты». Слово прозвучало естественно, будто они давно договорились.

— Наблюдательность — главное качество архитектора?

— Главное качество человека, который видит мокрые волосы.

Он отвёл её в дальнюю комнату. На подоконнике стояли два стаканчика кофе из автомата.

— Я рискнул. Если станет плохо, медицинский пункт в соседнем корпусе.

Екатерина сделала глоток и поморщилась.

— У этого напитка богатое прошлое.

— И тяжёлое настоящее.

Они засмеялись.

Саша сел напротив.

— Расскажешь о себе?

— Что именно?

— Всё, что можно рассказывать складским рабочим без допуска к государственной тайне.

Говорить о себе без должности было непривычно. Екатерина рассказала, что любит ночные поездки по пустому городу, не умеет готовить ничего сложнее яичницы, в детстве боялась самолётов и до сих пор не переносит запах лаванды. Не сказала, почему боится самолётов. Не сказала, в какой квартире живёт и сколько людей ждут её подписи каждое утро.

— Теперь ты.

— Мне двадцать восемь. Живу один. Здесь три года. До этого был на стройке. Ещё раньше собирался поступать в архитектурный, но не подал документы.

— Не поступил или не подал?

— Ты опасный аудитор.

— Так не подал?

Саша провёл ладонью по краю стола.

— Отец умер за месяц до экзаменов. У него был магазин стройматериалов. Крупная сеть перекупила поставщиков, опустила цены ниже себестоимости, забрала клиентов. Отец взял кредиты, пытался удержаться. Потом случился инфаркт.

Екатерина почувствовала холод, хотя в комнате работал обогреватель.

«Волков Групп» когда-то агрессивно входила на рынок строительных материалов. Тогда компания была меньше, но Екатерина уже сидела на совещаниях и требовала быстрее расти. Она помнила таблицы, презентации, красные и зелёные показатели. Не помнила ни одного владельца маленького магазина.

— Какая сеть?

— Неважно. Одна из тех, которые растут быстрее, чем успевают заметить, кого раздавили.

— Ты её ненавидишь?

— Иногда. Но ненависть ничего не возвращает. Отец всё равно не встанет, магазин не откроется, долги не исчезнут.

— А мечта?

— Какая?

— Архитектура.

Саша пожал плечами.

— Теперь я считаю коробки.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Екатерине хотелось сказать, что она может оплатить обучение, найти стажировку, познакомить его с лучшими архитекторами города. Для неё это было вопросом одного звонка. Но именно поэтому она промолчала. Любое предложение прозвучало бы как милость человека, которым она притворялась, что не является.

— Покажешь чертежи?

— Когда-нибудь.

— Это отказ?

— Это обещание без срока.

После обеда они продолжили проверку. В старом архиве нашли акты с одинаковыми подписями, поставленными в разные дни. Екатерина фотографировала листы, Саша держал фонарик. Их плечи иногда касались, и каждый раз она замечала это слишком отчётливо.

— Ты действительно аудитор? — спросил он, когда они выбрались из тесного шкафа.

— Почему спрашиваешь?

— Ты слишком быстро понимаешь, где искать. И начальник смены сегодня чуть не вытянулся по стойке смирно, когда ты на него посмотрела.

— У меня выразительный взгляд.

— У тебя взгляд человека, которому редко говорят «нет».

Екатерина застыла.

— А ты говоришь.

— Пока ты не просила ничего невозможного.

Он улыбнулся, но в глазах осталось любопытство.

К вечеру дождь закончился. У проходной ветер был особенно резким. Екатерина поёжилась.

— Холодно?

— Я привыкла.

— Не надо.

— К чему?

— К холоду. К одиночеству. К плохому кофе. Люди слишком часто говорят «привык», когда на самом деле давно сдались.

Екатерина посмотрела на него. Он произнёс это просто, без пафоса, и попал туда, куда не добирались ни друзья, ни психологи, ни бессонные ночи.

— Ты сам всё время так говоришь.

— Поэтому и знаю.

Они стояли близко. Между ними оставалось расстояние, которое можно было преодолеть одним движением. Саша протянул руку — словно закрепляя договор.

— До завтра?

Екатерина вложила ладонь в его. Пальцы были тёплыми и шершавыми.

— До завтра.

Она отпустила руку первой, хотя не хотела.

Дома позвонила Алина.

— Ты звучишь счастливой.

— Я просто устала.

— Раньше ты уставала холодно и зло. Сейчас у тебя в голосе воздух.

Екатерина села на пол у окна.

— Рядом с ним я не думаю о компании. Не считаю, кто чего хочет. Я просто Катя.

— Он знает, что у Кати есть фамилия?

— Нет.

— Тогда это не свобода. Это отсрочка.

— Дай мне немного времени.

— Я могу дать. Правда — нет.

После разговора Екатерина долго смотрела на город. Телефон загорелся сообщением:

«Ты доехала?»

«Да».

«Не замёрзла?»

Она улыбнулась.

«Не успела привыкнуть».

Ответ пришёл сразу:

«Вот и хорошо».

Глава 5. Обед

В тот день Екатерина не собиралась ехать на склад.

Утро началось с видеоконференции с иностранными партнёрами, продолжилось спором между финансовым и коммерческим директорами и окончательно испортилось, когда Андрей Кравцов принёс договор на сорока страницах и попросил принять решение «прямо сейчас».

Екатерина сидела во главе длинного стола и смотрела, как люди по очереди открывают рты. Слова доносились будто через толстое стекло: маржинальность, риски, сроки, ответственность. На экране сменялись диаграммы, но она видела серое окно в маленькой комнате на складе и два стаканчика отвратительного кофе.

— Екатерина Александровна? — осторожно произнёс финансовый директор. — Вы согласны с расчётом?

Она поняла, что не слышала последние пять минут.

— Пришлите итоговую модель к вечеру. Совещание закончено.

— Но нам нужно решение сегодня.

— Тогда сделайте модель так, чтобы по ней можно было решать.

Она встала. Андрей догнал её у двери.

— Ты куда?

— По личным делам.

— У тебя нет личных дел по вторникам.

— Теперь есть.

Он внимательно посмотрел на неё, но спрашивать не стал. Они знали друг друга почти десять лет. Андрей умел замечать перемены и так же хорошо умел делать вид, что ничего не заметил.

Через час Екатерина шла к проходной. Дождь только закончился, волосы прилипли к вискам. Саша вышел навстречу и улыбнулся так, словно ждал именно эту минуту.

— Ты приехала.

— Ненадолго. У меня два часа.

— Два часа — это много, если правильно потратить.

— И как ты предлагаешь?

— Пообедать.

— Я думала, мы будем работать.

— Люди, которые не едят, плохо расследуют преступления.

Столовая встретила запахом супа, компота и мокрой одежды. Екатерина не была в подобных местах с тех времён, когда экономила на каждом обеде. Саша взял два подноса и один протянул ей.

— Я угощаю.

— Не нужно.

— Ты мой гость. Не лишай меня редкой возможности почувствовать себя состоятельным.

Она выбрала суп и булочку. Саша взял гречку, две котлеты и компот.

— Это всё? — спросил он, глядя на её поднос.

— Мне хватит.

— Ты всегда так ешь?

— Когда вспоминаю.

— Удивительно, что ты ещё жива.

Они сели у окна. Несколько рабочих поздоровались с Сашей и с любопытством посмотрели на Екатерину. Он никак её не представил, и это почему-то понравилось: рядом с ним ей не требовалась должность.

Суп был простым и неожиданно хорошим. Екатерина вспомнила столовую возле своего первого офиса, пластиковые вилки и чувство, что впереди обязательно случится что-то важное.

— Ты смотришь на меня так, будто я редкий вид животного, — заметил Саша.

— Я думаю.

— Обо мне?

— В том числе.

— И что решила?

Екатерина опустила ложку.

— Ты не пытаешься казаться кем-то другим. Это редкость.

— А кем я должен казаться?

— Успешнее, увереннее, богаче. Люди обычно выбирают что-нибудь из этого.

— Я рабочий на складе, который угощает тебя супом за сто двадцать рублей. Тут трудно создать легенду.

— Ты ошибаешься. Самые дорогие легенды строят именно из стыда за правду.

Саша посмотрел внимательнее.

— А у тебя есть легенда?

— У всех есть.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

Он кивнул и не стал давить.

— Ты любишь свою работу?

Екатерина задумалась.

— Любила. Когда компания была маленькой, я знала каждого сотрудника. Сама звонила клиентам, проверяла поставки, могла за день изменить всё. Потом людей стало слишком много. Теперь я чаще двигаю цифры, чем что-то меняю.

— Ты говоришь как руководитель, а не как аудитор.

— Аудиторы тоже иногда руководят проверками.

— Иногда. Но ты произносишь слово «компания» так, будто она твоя.

Екатерина встретила его взгляд.

— Может быть, я просто слишком ответственная.

— Может быть.

Он не поверил, но позволил разговору уйти в сторону.

После обеда Саша показал, как устроен учёт на участке. Екатерина помогала сверять коробки и ловила удивлённые взгляды сотрудников. Через час он отвёл её к старому стеллажу в дальнем углу. За листом фанеры лежала потёртая папка.

— Помнишь, я обещал показать чертежи?

На первом листе был дом — светлый, просторный, с широкой верандой и окнами до пола. Линии были уверенными, детали продуманными: лестница, печь, даже расположение деревьев.

— Ты сам это нарисовал?

— В девятнадцать.

Екатерина провела пальцем над рисунком, не касаясь бумаги.

— Здесь раньше было другое окно.

— Откуда ты знаешь?

— Ты показывал край листа в первый день. Я запомнила.

Саша долго смотрел на неё.

— Почему тебе это важно?

— Потому что важно тебе.

Он отвёл взгляд. В этот момент в нём исчезла привычная сдержанность; перед ней был человек, который боялся даже надежды.

— Я хотел построить такой дом на месте дома отца. Потом понял, сколько это стоит.

— Деньги — не единственная причина отказаться.

— Иногда самая убедительная.

— Ты всё равно не выбросил чертежи.

— Бумага ничего не требует.

— Нет, Саша. Она напоминает.

Он сложил листы обратно.

— Ты говоришь так, будто сама когда-то строила что-то невозможное.

— Строила.

— Что?

Екатерина едва не ответила: компанию. Но вовремя остановилась.

— Жизнь, в которой мне никто не указывает, что я могу.

— Получилось?

Она посмотрела на него.

— Не до конца.

До конца смены Екатерина помогала с документами. В восемь свет в основном зале погас, сотрудники разошлись. Саша переоделся и сказал:

— Маршрутка через пятнадцать минут.

— Я подвезу.

— Я живу далеко.

— Я видела адрес в анкете.

Он прищурился.

— У аудиторов доступ к анкетам?

— У хороших — да.

— А ты, конечно, хорошая.

— Лучшая.

В машине он осмотрелся.

— Здесь слишком чисто.

— Это машина, а не биография.

— У меня и то и другое не очень чисто.

— Я не боюсь беспорядка.

Первые километры они молчали, но тишина не требовала заполнения. Когда подъехали к его дому, Саша не торопился выходить.

— Спасибо за обед, — сказала Екатерина.

— Вообще-то обед был за мой счёт.

— Поэтому и спасибо.

Он положил руку на дверную ручку, затем обернулся.

— Катя, ты ведь понимаешь, что я не верю в аудитора?

У неё перехватило дыхание.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты не та, за кого себя выдаёшь. Но я не буду вытягивать правду. Скажешь, когда сможешь.

— А если не смогу?

— Тогда однажды я перестану ждать.

Он сказал это спокойно и вышел. У подъезда обернулся и махнул рукой.

Екатерина осталась в машине. Его слова не звучали угрозой. Именно поэтому пугали сильнее.

Глава 6. Кофе

Прошло две недели.

Екатерина считала не дни, а встречи. Утренний кофе в пыльной комнате. Полчаса в столовой. Вечер у проходной. Сообщение перед сном. Она всё ещё собирала доказательства по складу, но расследование постепенно перестало быть единственной причиной поездок.

Алина поняла это раньше, чем Екатерина призналась себе.

— Ты перестала жаловаться на работу, — сказала подруга по телефону. — Это подозрительно.

— Я не жаловалась.

— Ты называла это аналитикой. Теперь рассказываешь, как Саша чинит погрузчик, как пьёт чай, как не любит футбол.

Екатерина стояла у окна офиса. Внизу город зажигал вечерние огни.

— Я влюбилась.

На другом конце стало тихо.

— Повтори.

— Не заставляй меня.

— Я хочу запомнить исторический момент.

— Я влюбилась. И не знаю, что делать.

— Для начала сказать ему, кто ты.

— Он уйдёт.

— Может быть. Но сейчас он любит человека, о котором не знает главного.

— Он любит меня. Ту меня, которая рядом с ним.

— А Екатерина Александровна — это кто? Злая сестра-близнец?

Екатерина закрыла глаза.

— Я боюсь, что после правды он будет видеть только деньги и власть.

— Ты уже решила за него. Это тоже форма власти, Катя.

Слова Алины больно попали в цель.

В субботу Саша был выходной. Они договорились встретиться в маленькой кофейне на окраине центра — достаточно уютной, чтобы сидеть долго, и достаточно неприметной, чтобы Екатерину никто не узнал.

Она приехала на полчаса раньше. Выбрала столик у окна, заказала воду и несколько раз проверила телефон. Волнение казалось нелепым: она выступала перед тысячами людей, заключала сделки на миллионы, но теперь не знала, куда деть руки.

Саша вошёл ровно в назначенное время. Без рабочей куртки выглядел моложе: тёмный свитер, джинсы, волосы ещё влажные после душа. Увидев её, улыбнулся.

— Ты рано.

— Я всегда рано.

— Нервничаешь?

— Нет.

— Ты ужасно врешь.

— Только в мелочах.

Фраза прозвучала слишком двусмысленно. Екатерина отвела взгляд к меню.

Саша заказал чёрный кофе, она — капучино. Некоторое время говорили о фильмах, городе и смешной истории с коробкой, которую Саша уронил себе на ногу. Екатерина смеялась, пока он не сделал обиженное лицо.

— Тебе весело от моих травм?

— Мне весело от того, как ты о них рассказываешь.

— Я серьёзный человек.

— Ты только стараешься казаться серьёзным.

— А какой я на самом деле?

Екатерина посмотрела на него.

— Добрый. Упрямый. Смешной, когда не контролируешь себя. И очень несправедливый к себе.

Он опустил взгляд в чашку.

— Никто никогда не описывал меня так подробно.

— Все видят то, что им удобно.

— А ты что видишь?

— Человека, который должен строить дома, а не прятать чертежи за фанерой.

Саша усмехнулся.

— Опять начинаешь.

— Потому что ты талантлив.

— Ты не архитектор, чтобы это оценивать.

— Я умею распознавать людей, которые способны построить больше, чем сами себе разрешают.

— Откуда такая уверенность?

Екатерина едва не сказала: я построила компанию. Вместо этого ответила:

— Я тоже начинала с пустой комнаты и мысли, что ничего не получится.

— И получилось?

— Да. Только я не уверена, что построила именно то, чего хотела.

Саша смотрел долго и спокойно.

— Ты опять говоришь загадками.

— Я не умею иначе.

— Умеешь. Просто боишься.

Она сжала чашку обеими руками.

— Чего, по-твоему?

— Что если я узнаю правду, то уйду.

Екатерина замерла.

— Я не знаю, какую именно правду ты скрываешь, — продолжил он. — Может, у тебя муж, трое детей и тайная жизнь в другом городе.

— Нет.

— Хорошо. Одной проблемой меньше.

— И ты не злишься?

— Злюсь, когда ты говоришь, что не лжёшь. Потому что недоговаривать — тоже выбор. Но не хочу загонять тебя в угол.

— Почему?

— Люди в углу редко говорят правду. Они говорят то, что поможет выбраться.

Екатерина почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она отвернулась к окну, где прохожие прятались от мелкого снега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.